

просил о помощи. Ему ответили: «Защищайте Касторное, помощи оказать не могу. Приказываю расстреливать паникеров». Штром: «Расстреливать некому – офицеры покинули свои части». Ему посоветовали: «Пытайтесь пробиться в Курск». У нас не было больше машин – двести автомобилей нашего штаба остались в Касторном. Мы шли пешком. Рядом со мной шел генерал Штром. Мы обходили деревни, приходилось идти по сугробам. Еды не было. За три дня мы потеряли половину людей. Генерал Штром меня вызвал ночью – он сидел в стоге сена. Генерал мне сказал: «Надо раздобыть еду. У нас одна лошадь. Говорят, что на дороге разбитый грузовик с продовольствием. Поезжайте на лошади». Машины я не нашел. Вернувшись, я не нашел и генерала. Я шел пять дней по снегу. Полузамерзший, я пришел в избу, сел около печки и сказал хозяйке: «Зовите русских – сдаюсь». Знание русского языка пригодилось этому солидному разведчику... А в Курске царила паника. Принесли мадьяры. Немецкий комендант запретил жителям пускать в дома венгерских солдат. Гонимые ходили по улицам. Просили милостыни и проклинали немцев. Потом показались разбитые части немецкого корпуса. Они кричали: «Русские близко!...». А Красная Армия наступала. На севере была перерезана железная дорога, потом шоссе Курск – Орел. Наши части взяли Фатеж. Лыжники огибали Курск с севера, угрожая дороге на Льгов. После жестоких боев Курск пал. Побросав в Курске десятки составов с продовольствием, с боеприпасами, с машинами, немцы кинулись на запад. Путь немцев был продиктован Красной Армией. Если берлинские стратеги гадают, где немцам удастся остановиться, мы вправе усмехнуться: передвижением немцев теперь занялись мы. В нашем наступлении прежде всего поражает ритм: Красная Армия идет не переводя дыхания. Я видел, как шли вперед наши части в невероятный холод, под красным диском обледеневшего солнца, шевеля деревянными рукавицами и отдыхая на твердом снегу. Я видел, как они шли сквозь метель, когда заносы глотали машины, когда дороги, расчищенные утром, к полдню исчезали. Люди будто плавали по кипящим волнам снежного океана, люди и салазки.

Сорок километров по снежной степи за день – вот наше наступление. Безлюдные пространства оживлены, как проспекты столицы. Ночь напролет крестьянки борются с заносами. Несутся вперед лыжники. Ворчат танки. Базы позади. Трудно догнать дивизию: отвечают «на марше». Карандаши штабистов едва поспевают за неуклюжими валенками пехоты. Всеми овладело священное нетерпение.

Велика материальная сила армии. Героизм тыла, пот женщин растопили сугробы. Харьков может поблагодарить Челябинск, Курск поклониться Свердловску. Но не в одном этом разгадка нашего наступления. Нужно оказать о душе: солдат не инженер, не техник. Солдат это и техник, и художник – он прежде всего человек. Он знает, что значит душа. В наш век бетона трудно снарядами подавить огневые точки. Сердце воина может быть и неприступным дотом в открытом поле и жалкой хибаркой в доте. Мы видим, что стало с психикой фрицев. А Красная Армия уверовала в близкую победу. Наступать стало необходимым, как воздух, как вода.

...Бои на запад от Курска и в Орловской области носят ожесточенный характер. Немцы подбрасывают резервные части. Я видел пленных из новых егерских батальонов, сформированных осенью в Восточной Пруссии. Их привезли на транспортных самолетах. Фрицы из 40-го отдельного полка напоминают фрицев первых дней войны. Эти еще не знают, что такое Россия. Они отчаянно